

В. А. Т У Н И М А Н О В

ДОСТОЕВСКИЙ И САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

(1856—1863)

Тридцатипятилетняя история литературных и личных отношений Достоевского и Щедрина хронологически четко делится на несколько этапов, каждый из которых по-своему интересен.

1) 1840-е годы. Салтыков и Достоевский встречались на пятницах Петрашевского и, видимо, в кругах, близких обществу. Ничего конкретного об этих первых контактах сказать нельзя, кроме того, что у них были общие знакомые — Вал. Майков, Р. Штрандман, В. Милютин, А. Плещеев. Факт знакомства с Салтыковым подтвердил (вынужденно) Достоевский, отвечая на следующие вопросы следственной комиссии: «С которого времени титулярный советник Михаил Салтыков начал посещать собрания Петрашевского, когда прекратил посещение этих собраний и какое принимал в них участие?»¹ Ответ Достоевского в духе других его объяснений комиссии: уклончив, корректен, и — главное — никаких неприятных сведений для Салтыкова не содержит: «Я не помню, чтобы я когда-нибудь встретил г-на Салтыкова у Петрашевского. Бывши очень мало знакомым с г-ном Салтыковым, я ничего не знаю и об отношениях его к Петрашевскому. От Петрашевского же я тоже не слыхал ни слова о г-не Салтыкове».² Достоевский не отрицает только одного — личного, хотя и мимолетного знакомства с Салтыковым, и то потому, что бессмысленно отрицать общеизвестное. Вопрос о посещении Салтыковым «пятниц» был задан всего трем лицам: Петрашевскому (сначала отрицательный, потом утвердительный ответы), Балосогло (утвердительный) и Достоевскому, ответ которого был, в сущности, отрицательным. Тут интереснее всего, что именно Достоевского, помимо Петрашевского и Балосогло, спросили о Салтыкове. Вряд ли это было случайностью.

---

¹ Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971, с. 151.

² Там же.

2) 1856—1862 годы. Период либерально-почвеннических иллюзий и дружеских (взаимно) отношений.

3) Журнальная (ожесточенная) полемика 1863—1864 гг. и отголоски ее в дальнейшем.

4) Сближение и «примирение» в 1870-х годах.

5) Конец 1870—начала 1880-х годов. Конец «перемирия». Исключительно резкие идейные столкновения Достоевского «Дневника писателя», «Братьев Карамазовых» с Щедриным «Современной идиллии», «За рубежом», «Круглого года».

Полемика продолжалась и после смерти Достоевского. Салтыков по принципиальным соображениям не мог не откликнуться и не высмеять проект «оздоровления корней» («Дневник писателя» за 1881 г., единственный январский выпуск). Конечно, задело его и преданное гласности Страховым и Миллером язвительное суждение Достоевского о содержании сатир Щедрина: «Тема сатир Щедрина — это спрятавшийся где-то квартальный, который его подслушивает и доносит; а г-ну Щедрину от этого жить нельзя».³ Реплика Салтыкова (устная) на слова своего уже умершего оппонента — сильная и спокойная: «Вот Достоевский написал про меня, что, когда я пишу, — квартального опасуюсь. Это правда, только добавить нужно: опасуюсь квартального, который во всех людях российских засел внутри. Этого я опасуюсь...»⁴

Диалог «Достоевский—Щедрин» — неотъемлемая часть истории русской общественной мысли (домарксистского периода) XIX в. в период ее наивысшего расцвета. Существовала огромная область журнально-литературных и идеологических отношений, в которой дороги Достоевского и Салтыкова-Щедрина неоднократно, даже постоянно пересекались. Естественно, что многолетняя и лежащая на «поверхности» полемика между ними более всего привлекала внимание критиков и литературоведов разных поколений. Немало интересных и бесспорных наблюдений было сделано В. Комаровичем и Вас. Гиппиусом.⁵ С. Борщевский посвятил полемике большую монографию с характерным подзаголовком, определившим направление исследования: «История их идейной борьбы».⁶

В книге Борщевского впервые были использованы записные тетради Достоевского 1860—1880-х годов, что существенно образом расширило представление о масштабах и содержании идейного спора Салтыкова и Достоевского. Но, к сожалению, исследованию Борщевского сильно повредила чрезмерная увлечен-

³ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 370.

⁴ Голос минувшего, 1913, № 2, с. 235.

⁵ См.: Гиппиус Вас. Салтыков и журнальная полемика 1864 г. — Лит. наследство, т. 11—12. М., 1933, с. 87—112.

⁶ Борщевский С. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. М., 1956,

пость полемическим аспектом: ученый обнаруживает прямой спор современников почти во всех произведениях Достоевского и Щедрина начиная с 1863 г.

Безусловно, к книге Борщевского, вышедшей 20 лет назад, следует относиться объективно и — уже — исторически. Сегодня ни о Достоевском, ни о «почвенничестве», ни о Щедрина (особенно 1860-х годов) так не пишут. Скрытая или явная полемика с тезисами и выводами Борщевского содержится как в работах о Достоевском (Л. Розенблюм, В. Нечаева),⁷ так и о Салтыкове-Щедрина (А. Бушмин, С. Макашин, Е. Покусаев).⁸

По вполне понятным причинам в книге Борщевского был и один значительный пробел — все, что выходило за рамки полемики современников, по сути отброшено, отодвинуто в сторону, как нечто второстепенное и могущее только нанести ущерб целостности концепции. В книге крупным планом дан в основном идеологический конфликт: Щедрин и Достоевский как представители двух полярных общественно-литературных партий «в бою».

Но такой предвзятый подход явно искажает реальную, сложную и противоречивую историю в разные годы неодинаково складывавшихся отношений современников. Более того, не только упрощает факты, но и прямо им противоречит. Совершенно очевидно, что Салтыков-Щедрин и Достоевский далеко не всегда вели междоусобную полемику, не говоря уже о том, что менялись объекты полемики, то возрастала, то ослабевала ее интенсивность. А в 1870-х годах после полемических бурь между ними надолго установились отношения если и не в полном смысле дружеские, то уж во всяком случае весьма далекие от враждебных. В те годы равно Достоевский и руководители «Отечественных записок» были заинтересованы в возобновлении и укреплении личных и особенно творческих контактов. Достоевский писал Анне Григорьевне 12 февраля 1875 г.: «... Некрасов в субботу <...> хочет везти меня к Салтыкову (а я очень хочу завязать это знакомство)». (П., III, 156). Желание было обоюдным. «Знакомство», точнее возобновление связей, состоялось. Об этом известно, в частности, по «Дневнику писателя» Достоевского — литературный разговор с «большим художником» Щедриным о «фантастическом» в жизни и искусстве.

Литературно-эстетические позиции Щедрина и Достоевского при всех несомненных, даже колоссальных отличиях⁹ были

⁷ Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. — Лит. наследство, т. 83. М., 1971, с. 40—44; Нечаева В. С. 1) Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., 1972, с. 266—288; 2) Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». М., 1975, с. 174—213.

⁸ Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М.—Л., 1959; Покусаев Е. И. Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы. Саратов, 1957; Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860-х годов. Биография. М., 1972.

⁹ У «реалистической фантастики» Щедрина и «фантастического реализма» Достоевского различные корни, и во многом эстетическая близость

близки: постоянная, глубокая и очень резкая критика буржуазного (мещанского) искусства, предваренная, впрочем, Герценом; почти идентичные по духу и букве оценки произведений Жорж Санд, Золя, Решетникова, Некрасова. Достоевский восхищался Молчалиным Салтыкова-Щедрина, и это восхищение не будет натяжкой распространить на другие типы Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Островского, получившие новую, причудливо-фантастическую, современную, памфлетную окраску в сатирических циклах писателя.¹⁰ Щедрина покорила небольшой шедевр Достоевского в «Дневнике писателя» за 1876 г. — «Кроткая». Под впечатлением от повести Достоевского он обращается к нему с просьбой дать небольшой рассказ в «Отечественные записки». Наконец, широко известна знаменитая оценка Салтыковым-Щедриным романа «Идиот» — самое умное, проникновенное и глубокое из сказанного о Достоевском-художнике в XIX в.

Вновь завязавшееся знакомство не оказалось кратковременным. Достоевский в феврале 1877 г. (письмо к А. П. Ковнеру), говоря о Некрасове и Салтыкове-Щедрине, имел все основания утверждать: «Они ко мне очень расположенные...» (П., III, 256). Таким образом, периоды вражды и полемики почти компенсируются годами творческой близости, личного общения, хотя, пожалуй, во всей русской литературе прошлого века не было писателей, столь мало созданных для дружеских контактов, как Щедрин и Достоевский.¹¹ А следовательно, существовали какие-то серьезные причины, побуждавшие Достоевского и Щедрина критически пересматривать неизбежно односторонние суждения-приговоры, вырвавшиеся в пылу спора, объективно оценивать творческую силу «противника» и его место в литературе.

Что касается Достоевского, то он, кажется, одинаково испытывал потребность и в добрососедских отношениях с Щедриным, и в острой полемике с влиятельным и талантливым «диалектиком». Вот, может быть, почему Достоевский внезапно прервал затянувшееся перемирие, совершил неожиданный выпад против Салтыкова в «Братьях Карамазовых», моментально получив в ответ великолепное, злое, стилизованное под критический разбор романа возражение «сатирического старца».

тут мнимая или внешняя. Принято говорить о щедринском влиянии в «Скверном анекдоте». Но с таким же успехом можно говорить и о влиянии Добролюбова — Конрада Лилиеншвагера. Но и тут влияние весьма проблематично: речь может идти только о литературно-общественных явлениях, в чем-то однотипных, но лишь до очень ограниченного предела, за которым начинаются идеологические и эстетические несоответствия.

¹⁰ Такого рода использование «чужого» материала было в духе Достоевского. Достоевский даже предвосхитил Щедрина в «Зимних заметках о летних впечатлениях».

¹¹ Стоит только сравнить их заграничные письма, язвительные, раздраженные, нервные (миниатюрные памфлеты), чтобы убедиться в своеобразной «негативной» психологической близости Салтыкова и Достоевского.

Достоевский был жизненно заинтересован в аргументах, «антикритике» Щедрина, в его острых и пронзительных сарказмах. То была жажда литературного и идейного боя: Достоевский хорошо знал, кому он бросает вызов, — по его собственным словам, авторитетнее и грознее Щедрина не было фигуры в журнальном мире. Достоевский в конце 1870-х годов прибегнул к старому, уже испытанному приему 1863 г., когда он опубликовал статью «Молодое перо», точно зная как психолог и сердцевед («Знаю я сердце человеческое или нет?» — почти до наивности откровенный вопрос Достоевского в журнальной полемической заметке тех лет, обращенный к сатирику), что Салтыков не выдержит и «вопьется».

К периоду сотрудничества Щедрина в «Современнике» относятся подавляющее большинство его полемических выпадов против Достоевского. Это наивысшая полемическая точка в их взаимоотношениях. О причинах и объектах полемики существует огромная научная литература. Здесь почти все ясно. Важно, однако, подчеркнуть, что Щедрин позднее, перерабатывая некоторые свои журнальные статьи и заметки из «Современника», освободил их от большинства конкретных деталей, потерявших свою минутную злободневность, отчего рельефнее выступила суть мысли сатирика: «стрижи» погибли в этой переработке, уступив место «птицам» вообще. В период оживления «почвенников» в конце 1860-х годов Щедрин, рецензируя книгу Н. И. Соловьева, кратко и в самой общей форме повторил свои прежние оценки «стрижиной» литературы и «стрижиного» мирозерцания, но ни одного непосредственного, личного выпада против Достоевского не сделал. Да и в 1870-е годы Щедрин редко прямо полемизирует с Достоевским.¹² Он выступает противником определенного круга идей, к которому частично и непоследовательно примыкал Достоевский «Дневника писателя», нигде не выделяя его специально из этого круга. Лишь тогда, когда речь Достоевского на пушкинских торжествах получила несомненный общественный резонанс, стала значительным фактом полигической и культурной жизни России, Салтыков, художник и публицист необыкновенно чуткий и злободневный, вступил в спор с главными тезисами Достоевского в книге «За рубежом».¹³

---

¹² Разумеется, кроме тех случаев, когда Достоевский вынуждал его к ответу.

¹³ С. А. Макашин справедливо считает, что полемика Щедрина (в пьесе «Мальчик в штанах и мальчик без штанов»), затрагивая идеи Пушкинской речи Достоевского, не была направлена против нее специально или даже преимущественно: «Элементы спора Салтыкова с Пушкинской речью Достоевского в диалоге двух мальчиков несомненны, что не дает, однако, оснований рассматривать эту знаменитую „сцену“ исключительно в качестве художественно-полемического документа против выступления Достоевского» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. XIV. М., 1972, с. 564). Далее в настоящей статье ссылки на это издание (1965—1976,

Полемика 1863—1864 гг., бурная и запоминающаяся, внешне эффектная, исключительно острая, как-то отодвинула на второй план годы, предшествующие ей. Между тем ряд аспектов в журнальной полемике нельзя правильно оценить, пренебрегая или даже предавая забвению «предысторию», спокойное «дополемиическое» время (1856—1862), когда состоялось открытие Достоевским нового большого художника в «отрицательном роде» — Щедрина. Тогда Достоевский неизменно и очень высоко отзывался об авторе «Губернских очерков», часто использовал щедринские типы и «словечки» в художественных и публицистических произведениях. А Салтыков-Щедрин помещал «Сатиры в прозе» в журнале Достоевского «Время». В настоящей статье речь пойдет преимущественно об этом, дополемиическом периоде отношений Достоевского и Щедрина. Слишком общеизвестная журнальная полемика между ними здесь специально не рассматривается, о ней говорится ретроспективно, в связи с предыдущим «литературно-психологическим» материалом.

Достоевский открыл для себя новый либеральный журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» со знаменитыми «Губернскими очерками» Щедрина, частично предвосхитившими его собственные провинциальные повести — «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», в ссылке в 1856 г. О своем тогдашнем восприятии журнала Достоевский несколько раз писал в статьях 1860-х годов, упрекая руководителей «Русского вестника» в измене делу прогресса: «...мы ждали от вас совсем другого, признаемся в этом искренно и правдиво. Мы сами, пять лет тому назад, встретили ваш журнал с радостью и надеждами <...> О, с какими надеждами мы вас тогда встретили! Помню я это время, помню!» (XIII, 201—202).

Более всего «надежд» Достоевскому, безусловно, внушили «Губернские очерки», взволновавшие тогда и всю Россию. Понятно и стремление Достоевского как можно больше узнать об этом авторе необыкновенной книги. К будущей исторической петербургской встрече с сатириком в ноябре 1861 г. Достоевский хорошо («психологически») был подготовлен, многое узнал (главным образом из писем А. Н. Плещеева) о Щедрине — писателе, администраторе, человеке.

Плещеев, кстати, писал Достоевскому о Салтыкове как о старом и общем знакомом. В письме от 10 апреля 1859 г.: «Был здесь недавно Щедрин (Салтыков); два раза заходил ко мне (он в Рязани вице-губернатором), все так же самолюбив; но сделался как-то общительнее, менее резок и в обществе удивительно потешен. У него есть свой особенный юмор, аляповатый и цинический, — но который невольно заставляет хохотать».¹⁴ Год спустя

в двадцати томах) даются сокращенно в тексте с указанием римской цифрой номера тома и арабской — страницы.

¹⁴ Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, с. 444—445.

Плещеев вновь в письме от 17 марта 1860 г. спрашивается о Щедрина у Достоевского и заодно сообщает свое мнение о нем: «Видел ли ты Салтыкова? Он был здесь, у меня обедал; такой ехидный, что прелесть. Любо слушать. Я ужасно люблю его разговор. Но только какое смешное самолюбие! Можно анекдоты про него рассказать!»¹⁵

Письма Плещеева обращены к человеку, имеющему какое-то представление о прежнем Салтыкове 1840-х годов, а лейтмотив в них — гипертрофированное самолюбие сатирика, выставляемое ведущей чертой характера. Несомненно, что в личных беседах Плещеев рассказал о «самолюбивом» Салтыкове не один из обещанных анекдотов. Достоевский впоследствии воспользуется драгоценным психологическим материалом в своих полемических статьях и заметках, создаст образ молодого, талантливого, но беспринципного литератора Щедродарова, непомерно тщеславного и самолюбивого.

В Твери Достоевский усердно читал присылаемый ему для ознакомления и распространения еженедельник «Московский вестник», в котором часто появлялись статьи и художественные произведения Щедрина и Плещеева — последний был одним из фактических редакторов этого прогрессивного, с некоторой славянофильской окраской издания. Плещеев пытался и от Достоевского получить что-то в «Московский вестник». Достоевский уклончиво и неопределенно согласился, но не выполнил обещания — у него были другие планы. Однако направление еженедельника было Достоевскому симпатично. Особенное внимание Достоевского привлекла статья давнего и близкого знакомого Плещеева и Салтыкова — И. В. Павлова «Восток и запад в русской литературе» (Московский вестник, 1859, № 3). Статья Павлова самым непосредственным образом повлияла на формирование «почвеннических» взглядов Достоевского. В статье, которой Плещеев (и не он один) придавал программное значение, пропагандировался некий реалистический, особый путь, отличный от устаревших славянофильского и западнического, но с разумным, бережным, беспристрастным усвоением всего ценного, что было в доктринах «восточников» и «западников» 1840-х годов.

Достоевский, конечно, знал и о дружбе Салтыкова с Павловым, и о связях писателя со славянофилами. Достоевский, кстати, тогда был хуже, чем Салтыков, знаком с произведениями главных славянофилов и, похоже, из вторых рук — по полемическим статьям «западников». Достоевскому и позже было многое чуждо в концепциях славянофилов, а в начале 1860-х годов он осуждал, как донкихотские, прославянофильские статьи А. Григорьева, с традиционных западнических позиций полемизировал с «Днем»

---

¹⁵ Там же, с. 452.

И. Аксакова. Салтыков же признавался в письме к своему лицейскому товарищу, ранее уже упомянутому Павлову: «Признаюсь, я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления. В нем одном есть нечто похожее на твердую почву, в нем одном есть залог здорового развития: а реформа-то Петра, ты видишь, какие результаты принесла. Господи, что за пакость случилась над Россией? Никогда-то не жила она своею жизнью: то татарскою, то немецкою» (XVIII, кн. 1, с. 179).¹⁶

От таких признаний Достоевский был тогда далек — под возвращением на «почву» он сначала понимал нечто иное, во многом даже противоположное славянофильским теориям, с его точки зрения идеалистическим, косным, оторванным от современной действительности. Развивая «почвеннические» идеи, Достоевский в течение нескольких лет старательно отклонял обвинения в близости к славянофильству. И народные мотивы в «Губернских очерках» Щедрина Достоевский сочувственно воспринял и интерпретировал не как «славянофильские», а именно как «почвеннические», вкладывая в это не очень определенный, но все же специфический смысл.

Достоевский в полемических статьях 1863—1864 гг. будет обвинять Щедрина в беспринципности, измене «прежнему». Борщевский увидел в язвительных упреках Достоевского утилитарный намек на сотрудничество автора «Нашей общественной жизни», одного из руководителей «Современника» в журнале «Время».¹⁷ Конечно, это не так. Достоевский имел в виду и превращение «общественного либерала» Щедрина в «нигилиста», и отход от тех элементов «почвенничества», которые он, как и А. Григорьев, обнаруживал в «Губернских очерках». И в этом нет ничего ни странного, ни удивительного, ни парадоксального. Суть «почвенничества» не ограничивается только статьями и заметками братьев Достоевских, Григорьева, Страхова. Почвенничеством по сути до «Времени» было направление еженедельника «Московский вестник» (яркое тому доказательство — названная статья И. В. Павлова) и журнала «Светоч» (статьи А. Милюкова, М. Достоевского, Л. Блюммера и других).

Наконец, «почвенничество» существовало как сильное литературное течение. Драмы Островского, поэма Некрасова «Ти-

---

¹⁶ Щедрина раздражали тогда любые попытки «оправдать» деятельность Петра I. 15 сентября 1857 г. он писал Павлову: «Вот ты ругаешь Петра за крепостное состояние и за бюрократию, однако ж и оправдываешь его обстоятельствами времени; а я так и того не делаю, а просто нахожу, что это был величайший самодур своего времени» (там же, с. 183). Период увлечения Щедрина славянофильскими идеями (весьма свободно им интерпретируемыми и применяемыми) был непродолжительным. Об этом см.: Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860-х годов, с. 147—162 (гл. «Встреча со славянофилами»).

¹⁷ Борщевский С. Щедрин и Достоевский, с. 67—68.

шина», «Дворянское гнездо» Тургенева,¹⁸ «Губернские очерки», может быть, сильнее всего повлияли на «почвеннические» статьи и программные объявления журнала «Время», с его вообще подчеркнуто литературно-эстетическим курсом. «Почвенничество» на рубеже 1850—1860-х годов было промежуточным либерально-демократическим общественно-литературным явлением. И лишь в конце 1862 г., во многом под давлением резко изменившихся внешних обстоятельств, почвенничество, так сказать, потеряло «почву», застыв в пределах публицистических отделов журналов «Время» и «Эпоха», получив от стремительно эволюционировавшего Щедрина ярлык «стрижиного» направления.

Начиная с «Губернских очерков» (т. е. с 1856 г.), Достоевский становится внимательнейшим, а позднее и весьма пристрастным читателем сатир Щедрина. Следы этого постоянного, напряженного чтения легко обнаруживаются в произведениях Достоевского самых различных эпох. Так, полемизируя с Катковым (в статье «По поводу элегической заметки „Русского вестника“»), Достоевский охотно использует «словечко» бывшего сотрудника «теймствующего» журнала из очерка «Литераторы-обыватели» (он также подробно и сочувственно пересказывается во внутреннем обозрении «Времни»): «Но нет, у вас на уме выгода: вам именно хочется провозгласить: все фальшиво поют, один я соловей. Так мы и поверим вам? Нет, вы нам сами сделайте свое собственное фью-фью-фью, как говорит г-н Щедрин, которого вы так хорошо знаете. Нет, если уж вы желаете добра, так покажите-ка сами, как бы вы сделали, без ошибок-то» (XIII, 233).¹⁹

Достоевский в полной мере оценил сатирические миниатюры Щедрина «Характеры (подражание Лябрюйеру)». Определил их жанр («эпиграммы в прозе») и свой фельетон назвал явно в подражание Щедрину «Петербургскими сповидениями в стихах и прозе». Щедрину в свою очередь понравилось жанровое определение Достоевского. Сатирический цикл о Глупове и глуповцах он озаглавил «Сатирами в прозе» — две из них появились в журнале «Время».

Память Достоевского цепко сохраняла «словечки» и типы Щедрина. Губернский город «Бесов» — несомненно «литературный» сосед Крутогорска и — еще больше — Глупова не только

---

¹⁸ Показательно восторженное отношение и Достоевского и Салтыкова к роману Тургенева.

¹⁹ Щедрин в очерк «Литераторы-обыватели» вводит (по контрасту) высокую оценку деятельности идейных вождей 1840-х годов, во многом перекликающуюся с высказываниями Достоевского (тех лет) о Белинском. Воспоминания о времени Белинского и Грановского в сатире («крепки были эти люди, если и при такой обстановке не изолгались, не измелочничались, не сделали отступниками!») как раз и предшествуют привлекаемому вниманию Достоевского обращению Щедрина к «юному другу» с призывом сделать свое собственное «фью-ию-ию-ию» (III, 451—452).

«Истории одного города», но и «Сатир в прозе». Причем можно говорить и о самых общих, идеологических параллелях, и о частных совпадениях и перекличках. Так, в сатире «Наш губернский город», возникшей на реальном тверском материале, хорошо известном Щедрину и Достоевскому, и опубликованной во «Времени»,²⁰ герой-полковник сочетал изучение, так сказать, серьезных трактатов с чтением романов Поль де Кока: «Я застал его за чтением нового обширного трактата о любви к отечеству; неподалеку, на случай отдохновения, валялся новый роман Поль де Кока» (III, 407). Аналогично поведение Степана Трофимовича в «Бесах», осложненное трусливым камуфляжем: Токевиль для виду и Поль де Кок в кармане и для души. Безумие губернатора Лембке в «Бесах» — своеобразная параллель сумасшедшему бреду генерала Голубчикова в «мариводаже» Щедрина: «Взгляните в микроскоп на каплю воды — вы увидите, что инфузории с жадностью пожирают друг друга! Взгляните на наш человеческий мир даже без увеличительного стекла — вы увидите, что люди с такою же жадностью пожирают друг друга, как и бессмысленные инфузории!» (III, 402).

Долгое время Щедрин был для Достоевского главным образом создателем «Губернских очерков», которые он почти выучил наизусть. Живновский, предтечей которого был гоголевский Ноздрев, несомненно должен быть назван в числе литературных предшественников капитана Лебядкина. Следователи «Губернских очерков» (Филоверитов и сам надворный советник Николай Иванович Щедрин) некоторыми своими психологическими чертами и профессиональными призваниями предшествуют Порфирию Петровичу «Преступления и наказания», кстати тезки одного из героев книги Салтыкова.²¹ Достоевскому положительно все показалось значительным и драгоценным в «Губернских очерках»: и талантливые натуры, и «чисто» обличительные очерки, и пронизанные поэзией «народные» рассказы, и исповедальные признания автора, в том числе и взволнованное обращение к учителю (Петрашевскому). Восприятие и оценка Достоевским «Губернских очерков» глубиной и проникновением в художественный

---

²⁰ Михаил Достоевский писал брату: «Щедрин прислал один из своих вечных мариводажей: *четыре момента дня*. Недурно, только один из моментов решительно цензура не пропустит» (Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, с. 539).

²¹ Немца-управителя из очерка «Владимир Константинович Буеракин» Достоевский дважды введет в свои произведения («Ряд статей о русской литературе», «Зимние заметки о летних впечатлениях»), Живновского (рядом с Ноздревым) упомянет в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе». Ироническая повесть Достоевского («Введение» к «Ряду статей о русской литературе») о байронических натурах, впоследствии удалившихся в «шулера», которые «на наших глазах воровали платки из карманов или просто и беззастенчиво обогащались» (XIII, 49—50) — очевидная хотя и своеобразная, оригинальная параллель рассуждениям Щедрина о провинциальном печоринстве и губернских Мефистофелях.

мир Щедрина выделяются даже на фоне блестящей и многообразной критической литературы о них.

Достоевский считал необходимым сочувственно выделить в «Губернских очерках» мотивы необличительные, народных героев книги (это же под разными углами зрения сделали А. Григорьев и Н. Добролюбов). Слова Достоевского о благотворности для художника Щедрина пребывания в провинции, вдали от Петербурга, были и автобиографичны, во всяком случае они естественно намекали на недавнее прошлое публициста «Времени». Матушка Мавра Кузьмовна, старец-скитник ассоциировались, видимо, у Достоевского с его личными впечатлениями от острых раскольников. А Палагею Ивановну, «крутогорскую кормилицу», чья «благотворительная» деятельность так сердечно изображена Щедриным, Достоевский и сам — только под другим именем — встречал в Сибири. Понятно, что ему особенно близка оказалась эта героиня Щедрина. Сочувствие автора «Мертвого дома» вызвали и прямые размышления Щедрина (полемические, как и иронически грустная реплика Достоевского о добре и эгоизме) о природе альтруизма Палагеи Ивановны.

Палагея Ивановна «Губернских очерков» — выразительница того гуманно-христианского всенародного убеждения, которое Достоевский называл инстинктивным, а следовательно, с его точки зрения, и чрезвычайно драгоценным, пророчески знаменательным, заложенным в природе русского человека, столь отличной от «западной», рациональной, воспитанной на родовых преданиях — идеях вражды и обособления. Салтыков-Щедрин так далеко в своих умозаключениях не заходил, но и он тепло писал о подлинном христианском человеколюбии Палагеи Ивановны, творившей добро просто, инстинктивно и согласно народному мнению о «несчастеньких»: «„Несчастенькими“ она называет арестантов и, кажется, всю жизнь свою посвятила на то, чтоб как-нибудь усладить тесноту и суровость их заключения. Она не спрашивает, кто этот арестант, которому рука ее подаст милостыню Христовым именем, разбойник ли он, вор или просто „прикосновенный“. В глазах ее все они просто „несчастенькие“, и вот каждый воскресный день отправляются из ее дома целые вязки калачей, пуды говядины или рыбы, и „несчастенькие“ благословляют имя Палагеи Ивановны, зовут ее „матушкой“ и „кормилицей“ ... И я того мнения, что если кто-нибудь на сем свете заслужил царствие небесное, то, конечно, Палагея Ивановна больше всех» (II, 242).²²

---

²² Салтыков почтил память «крутогорской кормилицы», выведя ее под настоящим именем (Анна Марковна Главщикова) в рассказе «Добрая душа» (1869). И это не осталось незамеченным Достоевским. «Семейства нет. Щедрин, ласкающий ребенка» — заносит он в записную книжку в 1877 г. (Лит. наследство, т. 83, с. 329). Запись — контаминация мотивов и сюжетов произведений Щедрина разных лет. Достоевский подчеркивает одну очень близкую ему черту личности Щедрина, видимо имея

«Губернские очерки» были, пожалуй, самым сильным литературным впечатлением Достоевского в 1850-е годы. Лично вдохновлял Достоевского и успех Щедрина, так великолепно «вернувшегося» в литературу. Но Щедрин «выбрал минутку», и эта «минутка» быстро прошла. «Записки из Мертвого дома» имели огромный успех, однако воспринимались главным образом как «обличительное» произведение, примыкающее к тому роду «отрицательной» словесности, родоначальником которого все называли Салтыкова. «Ведь выбрал же г-н Щедрин минутку, когда явиться, — с восхищением, в котором чуть-чуть проскальзывает профессиональная зависть к удачливому коллеге, писал Достоевский во „Введении“ к „Ряду статей о русской литературе“. — Говорят, в „Русском вестнике“ прибавилось вдруг столько подписчиков, что и сосчитать нельзя было <...> С какою жадностью читали мы о живоглотах, о поручике Живновском, о Порфирии Петровиче, об озорниках и талантливых натурах, — читали и дивились их появлению. Да где же они были, спрашивали мы, где же они до сих пор прятались? Конечно, настоящие живоглоты только посмеивались. Но всего более нас поразило то, что г-н Щедрин едва только оставил северный град <...> как тотчас же у него и замелькали под пером и Аринушки, и несчастенькие с их крутогорской кормилицей, и скитник, и матушка Мавра Кузьмовна, и замелькали как-то странно... как-то особенно... Точно непременно так уж выходило, что как только выедешь из Пальмиры, то немедленно заметишь всех этих Аринушек и запоешь новую песню, забыв и Жорж Санд, и „Отечественные записки“, и г-на Панаева, и всех, всех» (XIII, 51—52).

Щедрин, по убеждению Достоевского, высказанному в статье «Два лагеря теоретиков», — первый по таланту литературный наследник Гоголя. В его произведениях ярко выразилась потребность самоосуждения, «самобичевания», самого полного и безудержного, а это, по мнению Достоевского, русская национальная черта. Щедрин — наиболее видный современный представитель той «отрицательной» литературы, «которая гораздо живучее, жизненнее, чем положительнейшая литература времен очаковских и покоренья Крыма» (XIII, 252).

«Губернские очерки» в глазах Достоевского были почти образцом счастливого сочетания злободневности и высоких художественных достоинств. Они — «дело» и в то же время «искус-

---

в виду следующее автобиографическое признание писателя в рассказе «Добрая душа»: «...любовь Анны Марковны к детям послужила соединительною связью между ею и мною. Я не могу пройти мимо маленького ребенка без того, чтоб не погладить его по головке или не дать ему пряничка. Анна Марковна сразу заприметила эти мои свойства, и стал я ей люб. А еще любее я сделался ей, когда она узнала, что я принадлежу к числу „несчастеньких“, что я тоже в своем роде „узник“ <...> А в глазах Анны Марковны после младенца не было в свете краше человека, как „несчастенький“ или „узник“» (VII, 354).

ство». Точнее, потому-то книга Щедрина и «дело», что она высоко талантлива, художественна. Нападки партии «чистого искусства» на «обличительные» и потому якобы не имеющие художественного значения «Губернские очерки» Достоевский квалифицировал в статье «Г-н — бов и вопрос об искусстве» как узкую, тенденциозную, доктринерскую точку зрения: «... гонится весь обличительный род искусства, как будто между обличительными писателями даже и не может появиться истинного художника, гениального писателя, поэта, самая специальность которого именно и будет состоять в обличении» (XIII, 71).

Таким «истинным художником» в обличительном роде и был в представлении Достоевского Щедрин: не только до полемики, но и после нее. Кстати, это по-своему отразилось и в карикатурно-памфлетном зеркале полемических статей и заметок Достоевского во «Времени» и «Эпохе», где он буквально щеголяет доскональным знанием «Губернских очерков» и других произведений сатирика.

С. Борщевский точно заметил, что словечко «впился» и язвительное определение служебных функций Щедрина в «Современнике» («шавка лающая и кусающаяся») напоминают «Молодому перу» его же собственный очерк «Надорванные»,²³ циничную исповедь следователя Филовверитова, так представляющегося миру: «Если вы захотите узнать от крутогорских жителей, что я за человек, вам, наверно, ответят: „О, это собака!“ <...> Репутация эта до такой степени утвердилась за мной, что если моему начальнику не нравится физиономия какого-нибудь смертного, он ни к кому, кроме меня, не взывает об уничтожении этого смертного <...> я лечу исполнить приказание моего начальника, я впиваюсь когтями и зубами в ненавистного ему субъекта и до тех пор не оставляю его, пока жертва не падает к моим ногам изгрызенная и бездыханная» (II, 267).

В уподоблении политического обозревателя и рецензента «Современника» Щедрина его герою Филовверитову, возможно, заключалось даже больше яда, чем это предполагал Борщевский. Очевидно, Достоевский таким способом намекал на беспринципность, с его точки зрения, позиции Щедрина, рьяно, с какой-то чрезмерной, натужной энергией защищавшего «чужие» интересы «Современника». Филовверитов признается с присущей ему откровенностью: «... в то время когда я произвожу травлю, господин NN, который, в сущности, представляет для меня лицо совершенно постороннее, немедленно делается личным моим врагом, врагом тем более для меня ненавистным, чем более он употребляет средств, чтобы оборониться от меня. Я внезапно вхожу во все виды моего начальника; взор мой делается мутен, у рта показывается пена, и я грызу, грызу до тех пор, пока сам не упадаю от изнеможения и бешенства...» (II, 267). Столь же энер-

---

²³ Борщевский С. Щедрин и Достоевский, с. 111.

гично и столь же беспринципно, по мнению Достоевского, было участие Щедрина в «литературной травле» «Времени» и «Эпохи».

Давно уже наслышанный от Плещеева о самолюбии Щедрина, Достоевский легко мог принять афоризм Филовверитова в очерке «Матушка Мавра Кузьмовна» («Натура человеческая до крайности самолюбива, и если, ловко набросив на свое лицо маску добродушия и откровенности, следовательно обращается к всемогущей струне самолюбия, успех почти всегда бывает верен» — II, 405) за скрытое личное мнение самого сатирика. В том же очерке повествователем Филовверитов отнесен к «породе тех крошечных Макиавелей <...> которые охотно оправдывают все средства, лишь бы они вели к достижению предположенных целей» (II, 394). И сам Щедрин, видимо, представлялся тогда Достоевскому своего рода «крошечным Макиавелли», попавшим в редакцию «Современника».

Тон полемической беседы Достоевского с Щедриным резко, подчеркнуто фамильярный, дразнящий. Он обращается к «Молодому перу», гусару-рецензенту с какой-то обидной непосредственностью: издевательски поучает, стыдит, намекает на что-то личное и известное очень немногим. И не устает примерять к Щедрину его остроты и психологические черты его же отрицательных героев. Г-жа Музовкина и генерал Зубатов прямо упомянуты Достоевским в записной книжке. С ними в литературно-психологическом отношении сравнивается Щедрин-либерал, вдруг перевернувшийся в нигилисты. Другие намеки Достоевский как бы предлагает расшифровать читателям и Салтыкову. «Литературная халатность, — укоряет Достоевский Щедрина, — да еще халатность-то с распахиваньем халата (Vous comprenez? * „Ничего, ничего, молчанье!“)» (XIII, 307—308). Обращение-увещевание — монтаж различных сюжетов из произведений Гоголя и Щедрина. Вопрос как бы отсылает к исповеди «озорника»: «Мы желаем, чтоб и формуляр наш был чист и репутация не запятнана — vous comprenez? *» (II, 259). А «халат» переносит в другой очерк — «Лузгин»; там эта «талантливая натура» предстает взорам посторонних в совершеннейшем дезабилье, нараспашку: «Он был в широком халате, почти без всякой одежды; запахнувшаяся на груди рубашка обнаруживала целый лес волос и обнаженное тело красновато-медного цвета; голова была не прибрана; глаза сонные. Очевидно, что он вошел в разряд тех господ, которые, кроме бани, иного туалета не подозревают. Он, кажется, заметил мой взгляд, потому что слегка покраснел и как будто инстинктивно запахнул халат и рубашку» (II, 287). К такого же рода инстинктивно-целомудренному движению, собственно, и призывает Достоевский Щедрина, одновременно предлагая вспомнить мудрую пословицу: «Береги честь смолоду».

---

* Вы понимаете? (франц.).

Частые (проницательные) реплики Достоевского-полемиста о «художественной натуре», помимо очевидных перекличек с тезисами статьи Писарева «Цветы певниного юмора», восходят и к рассуждениям Щедрина об «артистической натуре» Лузгина. В «гусарских» рецензиях Щедрина («военная косточка») есть нечто, по мнению Достоевского, не только от полемических приемов барона Брамбеуса, но и от замашек Живновского. Нельзя исключить и намеков на службу Щедрина в военном ведомстве (1840-е годы) и его административную деятельность, о которой Достоевский, конечно, был наслышан.

Создавая карикатурный портрет Щедрина, литератора и человека, Достоевский использовал всё: слухи, сплетни, полемические статьи публицистов-современников, биографические сведения. Но особенно интенсивно он интерпретировал в памфлетно-карикатурных целях литературный материал, и более всего сатиры Салтыкова, в чем косвенно признался в заметке «Опять „Молодое перо“»: «Когда вы писали ваши обличения, я уверен, вы ни разу не пострадали от мысли, что и вы, может быть, очень похожи на ваших героев, а эта мысль должна непременно быть у всякого обличителя» (XIII, 319).

Щедрин намеки и подвохи понял с полуслова, и то же орудие уподобления автора его героям обратил против Достоевского, но, почти минуя психологию, придал карикатуре форму остроумной и злой литературной пародии, «перевел» «Записки из подполья» на сентиментально-наивный язык писем Макара Девушкина, попавшего в сатаны и произносящего мизантропический монолог в духе парадоксалиста-антигероя: «Матинька вы моя! Простите вы меня, что я так кровожаден. Матинька вы моя! Я ведь не кровожаден, а должен только показывать, что жажда убийства не чужда душе моей, матинька вы моя! Я бедный сатана, я жалкий сатана, я дрянной сатана, матинька вы моя! не осудите же, простите вы меня, матинька вы моя!» (VI, 497). А монологу Девушкина («прокаженного Вельзевула») предшествуют прямые выпады против Достоевского — язвительные и несправедливые — «тот самый Девушкин, который из гоголевской „Шинели“ сумел-таки выкроить себе, по малой мере, сотню дырявых фуфаяк» (VI, 497). Пародия-стилизация и ее недвусмысленное обрамление графически точно передают степень гнева Салтыкова, буквально разъяренного романом-карикатурой Достоевского.

Внезапно наступивший перелом в отношениях между Достоевским и Щедриным был, разумеется, не внезапным и не случайным,²⁴ как не была случайной и их дружеская встреча в ноябре 1861 г. Содержание и смысл полемики современников в целом ясны. Кто в споре проявил большую проницательность — не ме-

---

²⁴ Но к полемике Щедрина и Достоевского, впрочем, примешались и случайные факторы. Имели место и недоразумения.

нее очевидно. Салтыков с его поразительным политическим чутьем слишком много неприятного напророчил Достоевскому и его журналу «Время» — и нельзя сказать, что это были лжепророчества.²⁵ Некоторые из прорицаний Щедрина «реализовались» почти сразу. Предупредил же он Достоевского, чтобы тот не связывался с «Русским вестником» Каткова. Достоевский пророчество Щедрина запомнит и введет его позднее в «литературную кадрили» («Бесы»), но тогда он проявил голубиный идеализм и упрекнул сатирика в нелепом страхе перед московским публицистом: «Как вы мелко плаваете, видно из того, что вы до сих пор еще боитесь Каткова. „Прихлопнет и не пикнете“, говорите вы нам, грозя нам сим московским деятелем» (XIII, 318).

Справедливой оказалась и знаменитая оценка Щедрина «почвеннического» курса «Времени», естественно, очень задевшая Достоевского: «И не говорите, что мы садимся между двух стульев. Вздор, это и есть дорога! Вы уж давно на полу сидите, да не догадываетесь» (XIII, 320).²⁶

Достоевскому трудно было разбить неотразимые аргументы Щедрина, точно определившего слабые места «почвеннической» программы. Но зато Достоевский искусно использовал сложную ситуацию в «Современнике» (после ареста Чернышевского), «щекотливое» положение Салтыкова, его столкновения с «консисторией» (Антонович, Жуковский, Пыпин) и, конечно, полемику между «Современником» и «Русским словом». Статья-памфлет «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» нанесла Салтыкову ощутимый и сильный удар. Достоевский сплетни, бытовавшие в петербургском журнальном мире, утрировал и гиперболизировал в соответствии с жанром «романа-карикуры» («на все есть свои словечки и формы»), представил творческий путь сатирика в тенденциозном и недоброжелательном свете. Памфлет Достоевского осложнил положение Щедрина и, возможно, даже ускорил его уход из «Современника».

Понятно, что реакция Салтыкова на статью Достоевского была раздраженной и в то же время грустной. Щедрин воспринял ее как недозволенный прием в споре, недостойную и желчную выходку. Ни одно из многочисленных полемических выступлений, включая и «Цветы невинного юмора», так больно не задело Салтыкова: «Вы позаимствовались комками грязи, кинутыми в меня „Русским словом“, вы разузнавали бог весть каким путем (а всего вероятнее, через служителей) о том, что происходит в редакции

---

²⁵ Но и Достоевский напророчил Щедрина неизбежный уход из «Современника».

²⁶ Эту оценку, как и другие (разговоры «в пустыне и о пустыни»), возникшую по поводу редакционного объявления «Времени», Щедрин после гибели почвеннических журналов станет применять в широком смысле для характеристики лжелиберального мирозерцания и лжелиберального красноречия.

„Современника“, и из всего этого устроили целую лохань помоев <...> написанный вами роман о Щедродарове есть сборник самых гнусных, самых презренных, а сверх того, и самых глупых сплетен...» (VI, 522).

Невольно возникает вопрос: если это так глупо и бездарно, то почему такой гнев, такая жгучая обида? Достоевский нанес удар с великолепным знанием дела, в том числе и всех литературно-кухонных частностей. Салтыкову не удалось опубликовать свои наиболее резкие возражения Достоевскому в «Современнике». В те годы он негодовал на произвол «внутренней» цензуры; позднее, вероятно, был доволен, что родившиеся в кульминационный момент полемики крайне раздраженные и злые слова не увидели света. Да и Достоевский вряд ли всецело был удовлетворен своими памфлетами и антикритиками, немало способствовавшими превращению полемики, по его же словам, в «беспримерную в летописях российской словесности ругань» (XIII, 348).

Не очень искренним образом Достоевский тогда же предпринял попытку «оправдаться», предложив разграничить «сплетни» и «слухи». Но различие между этими словами столь тонкое, почти неуловимое, что объяснение Достоевского трудно признать удовлетворительным.²⁷ И все-таки Достоевский желает объяснить публике свою позицию. Ему не совсем приятно, что пришлось прибегнуть к «действительным» слухам. А какие же еще бывают слухи? Ведь если слух сочинен со злонамеренной целью, то его, по справедливости, принято называть клеветой. Разъяснение Достоевского, что слухи им добыты *из первых рук*, а не от вестовщиков и служителей, само по себе чрезвычайно любопытно, но сути дела не меняет: Щедрин упрекал его в том, что он их обнародовал, сообщив им памфлетно-карикатурную окраску.

Было другое обстоятельство, объясняющее фамильярность и резкость полемического тона Достоевского. «Да и судить вас я позволил себе единственно только как литератора», — подчеркнул Достоевский в статье «Опять „Молодое перо“» (XIII, 317). В записной книжке та же мысль выражена рельефнее и конкретнее: «Я ничего лично не имею против г-на Щедрина, он мне отнюдь не враг. Но я преследовал в нем литератора продажного (что я

---

²⁷ «Равномерно, поймет публика, что вовсе нельзя назвать сплетней — слухи, напечатанные нами (с большими оговорками) о том, что г-н Щедрин уезжает в Москву с каким-то посторонним сатириком издавать собственный свой журнал. Этот слух, равно как и все те слухи, о которых мы тогда напечатали, не нами были сочинены, а существовали действительно; оправдывались противоречиями в направлении г-на Щедрина и „Современника“; а главное в том, что все эти слухи, хотя и подсмеиваясь, мы их тогда поместили, не приносят ни малейшего бесчестия г-ну Щедрину. Убежать же в Москву от „Современника“ не только не бесчестно, но даже и разумно» (XIII, 348). Достоевский, впрочем, имел основания и не оправдываться: к слухам и сплетням прибегали все, не исключая и Салтыкова. Излагая слухи о нем, Достоевский отчасти пародирует сатирические миниатюры Щедрина в «Искре» и «Свистке».

слыхал лично от г-на Щедрина). Кто ж и мог ему выставить весь позор его положения». ²⁸

Достоевский был искренне убежден в «мундирности» службы сатирика в «Современнике», поклонившегося «силе», отдавшего свое «молодое» и бойкое перо в аренду «нигилистам» якобы с легкостью, свойственной его артистической и самолюбивой натуре, перечеркнувшего «прежнее». Он отказывался уверовать в органичность идейной эволюции Салтыкова: во многом тут повинны какие-то слова, сказанные во время их ноябрьской встречи, и другие, известные Достоевскому факты. Салтыков до 1863 г. печатался в самых различных газетах, журналах и сборниках, что могло натолкнуть на мысль о беспринципности его литературной позиции. Знал Достоевский и о том, что Салтыков вошел в редакцию «Современника» лишь после провала попытки организовать собственный журнал «Русская правда» ²⁹ в Москве. Ему под секретом, как человеку доверенному и сочувствующему, сообщал Плещеев в письме от 19 марта 1862 г.: «Здесь <...> затевается орган, журнал двумя книжками в месяц. Может, с сентября, может, с января. На Святой поедут хлопотать о разрешении. Кружок сгруппировался очень хороших честных людей — и совершенно враждебных московскому доктринерству. Но пойдет ли журнал — это еще задача. Мне кажется, теперь очень трудно издавать журнал. Нужно сказать новое слово... а где оно? А старым — как бы талантливо оно не было сказано — не привлечешь. Редактором будет Салтыков (Щедрин). Но до времени — прошу тебя держать это в тайне». ³⁰

«Русская правда» не вышла ни в сентябре 1862 г., ни в январе следующего. Салтыкову не разрешили издавать свой журнал. В тяжелый 1863 год он сделал выбор, говорящий о политической зрелости и мужестве, о блестящем усвоении Салтыковым последних уроков истории. Он примкнул к «партии» «Современника», но не механически и случайно, а руководствуясь очень серьезными, принципиальными соображениями и совершенно не собираясь подделываться под Антоновича, Жуковского, Пыпина. Не было ни измены, ни даже резкой перемены убеждений.

Выполнил Салтыков и обещания, данные Достоевскому: последняя его публикация в «почвенническом» журнале («Наш губернский город») появилась одновременно с сенсационным объявлением редакции о подписке на 1863 г., туманная фразеология которого никого не обманула. При первой возможности Салтыков счел необходимым высказать откровенно, что он думает о редакционном объявлении «Времени». ³¹ Его язвительные реплики,

²⁸ Лит. наследство, т. 83, с. 255.

²⁹ После катастрофы со «Временем» братья Достоевские хотели назвать новый журнал «Правда».

³⁰ Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, с. 458.

³¹ Это объявление послужило, в частности, причиной разрыва Помяловского с журналом Достоевских.

остроумная и глубокая критика «почвенничества» были эффективны и очень пришлись не по душе Ф. М. Достоевскому, который попытался ослабить действенность фельетонов Щедрина, охарактеризовав их как неискренние, написанные новым постоянным сотрудником «Современника» в угоду редакции. Но это была принципиальная критика, почти без «частнолицых» выпадов. И сначала сарказмы Щедрина тщательно обходили непосредственно Достоевского.

Давно уже обращено внимание на противоположность оценок Достоевским Салтыкова-художника до полемики и в разгар ее. Они, действительно, очень различны. С. Борщевский даже пришел к выводу, что полемические суждения Достоевского перечеркнули («погасили») прежнюю оценку им «Губернских очерков».³² Но такой взгляд не учитывает жанровых особенностей памфлетов и антикритик Достоевского. Кроме того, несомненно, что Достоевский, как своими собственными, воспользовался идеями и сарказмами статьи Писарева «Цветы невинного юмора». Статья Писарева дала Достоевскому драгоценные аргументы, и он обрадовался им как нежданному сюрпризу. Проникся в интересах журнальной полемики нигилистически-ниспровергательным духом статьи Писарева, который с поразительным для «разрушителя эстетики» критическим чутьем подметил и искусно скомпоновал действительно слабые места в произведениях, появившихся после «Губернских очерков» («Невинные рассказы», «Сатиры в прозе»). С другой стороны, в неменьший восторг привели Достоевского и статьи Щедрина о «птенцах», «человекообразных», «вислоухих» из «Русского слова». Достоевский преднамеренно перемешал в своих памфлетах тезисы и словечки Писарева и Щедрина, создав выразительную картину неопишуемого разброда и смятения в лагере «нигилистов». Но и этого Достоевскому показалось мало: он заставил бунтующего Щедродарова, героя «романа-карикуры», защищать «почвенническую» программу.

В таланте Щедрина-сатирику Достоевский не отказывает и в полемических статьях. Другое дело, что похвала там граничит с насмешкой: «Я действительно смеялся (кроме шуток): очень, очень забавно и с несомненным талантом» (XIII, 305). Это в статье «Молодое перо». А в записной тетради о том же смехе, но «коллективном». «Соберемся в кружок и хохочем. Если есть словечки, мы хвалим. У г-на Щедрина (М. Е. Салтыков) бывает иногда ядовитая веселость, — все же лучше, чем совсем уж плоская бездарность; прочтет кто-нибудь у нас вслух, и мы смеемся. Об этом человек 20 могут засвидетельствовать».³³ Словом, Достоевский ясно видел разницу между талантливим Щедриным и «угрюмыми тупицами» вроде Антоновича и Жуковского в редакции «Современника».

³² Борщевский С. Щедрин и Достоевский, с. 29—30.

³³ Лит. наследство, т. 83, с. 259.

Достоевский и в памфлете «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», хотя и с оговорками, пишет о таланте сатирика: «... Щедродаров, между действительно талантливymi вещами, мог писать иногда по целым листам юмористики, в которых ни редакция, ни читатель, ни сам он не понимал ни шипа, но в которых как будто намекалось на что-то такое таинственное, умное и себе на уме...» (XIII, 331). Эти слова — оценка произведений Щедрина, появившихся после «Губернских очерков», несомненно уступавших им в художественном отношении, «мариводажей» вроде «Каплунов» и вступления к «Сатирам в прозе», содержание которых не только Достоевскому представлялось темным.

По многим причинам Достоевский не желал и не мог «объективно» оценить в журналах «Время» и «Эпоха» знаменитую хронику Салтыкова «Наша общественная жизнь». О «величайшем успехе» литературно-политических фельетонов Щедрина писал Н. Страхов в статье «Последние два года в петербургской журналистике» (1864).³⁴ Достоевский был очевидцем «величайшего успеха» талантливых фельетонов Щедрина. Один из них ему особенно запомнился — февральская хроника за 1864 г. Щедродаров в памфлете Достоевского самым неестественным образом расхваливает собственное творение: «Я вон в феврале месяце нарочно в деревню ездил за своими мыслями (прочтите мой талантливый февральский фельетон в «Своевременном»). Я там увидел мужика и очень удивился, что он беден. Я и прежде видел мужика, но я никогда об нем не задумывался» (XIII, 335).

Похвала таланту Щедрина очень косвенная, но хроника, видимо, действительно понравилась автору «Мертвого дома» и «Книжности и грамотности» реалистической постановкой крестьянского вопроса, умной полемикой с пейзажно-пастушескими воззрениями на «меньшую братию». О том, насколько полезны для Щедрина путешествия в провинцию, где тот невольно забывал о Петербурге и петербургских литературных обстоятельствах, Достоевский писал в статье 1860 г. в связи с «Губернскими очерками». Здесь та же мысль, но страшно редуцированная, искаженная, с трудом улавливаемая. Что вполне понятно — «талантливый февральский фельетон» открывался полемическим выпадом против «почвенников»: «Посетил не в видах общения с народом, конечно, и даже не в видах отыскивания некоторой фантастической „почвы“, а просто, как говорится, по собственному своему делу» (VI, 257). А далее следуют меланхолически-насмешливые размышления на тему неожиданной кончины журнала «Время», особенно оскорбительные из-за их пренебрежительного и скучающего тона.

Полемика 1860-х годов не могла пройти бесследно, не отразиться на будущих отношениях современников, причем особенно

---

³⁴ Страхов Н. Из истории литературного нигилизма 1861—1865. СПб., 1890, с. 508.

цепко укрепились «обиды» в памяти Достоевского. Но эмоции все-таки не помешали Достоевскому в полной мере оценить хронику Щедрина «Наша общественная жизнь», особенно насмешки сатирика над «птенцами» и «человекообразными» «Русского слова»: «чимпандзе» Писаревым, «гиббоном» и «лемуром» Кроличковым-Зайцевым. В «Бесах» и «Дневнике писателя» трансформируются мотивы фельетонов Щедрина об юродствующих и «вислоухих» засиживателях великих идей, все портящих и легкомысленно искажающих, — формулы, ставшие почти классическими для Достоевского.³⁵ Правда, почти все последующие обращения Достоевского к островам, типам и афоризмам Щедрина не были прямыми и свободными: полемическая буря 1863—1864 гг. наложила на них свой ощутимый «памфлетный» отпечаток. Иначе обстояло дело в начале 1860-х годов, когда в глазах Достоевского Щедрин был в первую очередь автором «Губернских очерков», а журнальная полемика еще не начиналась. Ее даже ничто не предвещало.

Многолетняя история литературных отношений Достоевского и Щедрина, к счастью, с трудом укладывается в любые схемы. Идеологическая полемика многое объясняет, но далеко не все: слишком разнообразны были литературные и идейные контакты, связывавшие современников. Журнальная полемика 1860-х годов, неизбежно во многом «частная» и «временная», почти совершенно не соприкасается с известным отзывом Щедрина об «Идиоте», который выглядит полной неожиданностью. Но признать его неожиданным можно только, если сузить до предела представление о Щедрине, оставив ему лишь чистую сферу «негации» (термин Герцена) и забыв о том, что он был своеобразным романтиком в сатире. В «подкладке» сатиры Щедрина было много положительного, идеального, чего не понимал или не желал иногда понимать Достоевский. Это идеальное уходило корнями в 1840-е годы, когда у Достоевского и Щедрина были одни и те же великие учителя, одинаковые мечты, за которые им пришлось на долгий срок вынужденно расстаться с Петербургом, и, так сказать, «проездитья по России».

Достоевский и Щедрин, принадлежавшие к поколению незабвенных «идеальных» 1840-х годов, всегда остро чувствовали свое превосходство над «лобанчиками современной русской литературы» (X, 385). Они верили в огромную, жизненную, вечную силу искусства, нетленную, возвышающуюся над тиной современных им «мелочей жизни», «материального разврата». С гордостью осознали себя деятелями русской литературы, а следовательно, людьми, причастными «тайне вечности». «Все, что мы видим

---

³⁵ Вроде: «Вислоухие никогда не прельщали меня; я всегда был того мнения, что они одним своим участием делают неузнаваемым всякое дело, до которого прикасаются, подобно тому как мухи летом в одну минуту засиживают какую угодно вещь, хотя бы самую драгоценную» (VI, 322).

вокруг нас, — писал Щедрин в сатирическом цикле «Круглый год», — все в свое время обратится частью в развалины, частью в навоз, одна литература вечно останется целою и непоколебленною. Одна литература изъята от законов тления, она одна не признает смерти. Несмотря ни на что, она вечно будет жить и в памятниках прошлого, и в памятниках настоящего, и в памятниках будущего. Не найдется такого момента в истории человечества, про который можно было бы с уверенностью сказать: вот момент, когда литература была упразднена. Не было таких моментов, нет и не будет. Ибо ничто так не соприкасается с идеей о вечности, ничто так не поясняет ее, как представление о литературе. Мы испытываем вечность, мы стараемся понять ее — и большею частью изнемогаем в наших попытках; но вспомним о литературе — и мы, хотя отчасти, откроем тайну вечности!» (XIII, 437).